

УДК: 159.9:808.5:32(73)
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92

О ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА РИЧАРДА НИКСОНА (на материале избранных речей)

Д.С. Мухортов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, Россия, 119234

Целью настоящей работы является исследование особенностей использования политиком в своей речи служебных и номинативных лексических единиц для выявления прагмалингвистических особенностей его языковой личности. Основной гипотезой исследования является предположение о том, что при всей совокупности экстралингвистических факторов, сопутствующих коммуникативным ситуациям, вербальное поведение политика является детерминирующим фактором его успеха или провала. В статье дается теоретико-методологическое обоснование «прагмасемантического анализа» идиостиля политического деятеля, предлагается классификация его категорий, указывается значимость «кластерного» подхода к изучению речевых единиц лексического и синтаксического уровня, проводится параметрия семиотического поля «социально-статусного типа языковой личности». В данной статье на материале избранных речей американского Президента Ричарда Никсона уточняется теоретико-методологическое обоснование «социально-статусного типа языковой личности». Отмечается, что детерминирующим фактором в процессе формирования и модифицирования данного типа ЯЛ является наличие стрессовых или околострессовых ситуаций. Используя в качестве наиболее показательного репрезентанта этого типа ЯЛ первое лицо страны, предпринимается попытка вычленения некоторых категорий для изучения вербального поведения ЯЛ. Основным методом для проведения настоящего исследования выбирается «прагмасемантический анализ языковой личности политического деятеля». Его суть заключается в том, чтобы с помощью программы контент-анализа LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count), одного из способов проведения количественных измерений лексико-синтаксического наполнения текста, и подходов качественного анализа, таких как чтение биографий, мемуаров и речей конкретного политика, выйти на понимание того, как могут взаимодействовать такие разные грамматические категории, как лицо местоимений, время глагола, функциональные и вспомогательные глаголы, артикли, предлоги, числительные и др. в определении таких многозначительных категорий, как оптимизм/удрученность, дипломатичность/агрессивность, слог президента / слог человека, не наделенного властью, мышление аналитического/динамического/нарративного склада, социалингвистических параметров (напр., половозрастные и гендерные особенности, принадлежность к определенной общности). Эмпирической базой исследования являются три судьбоносные речи в карьере Президента Р. Никсона — The Checkers Speech (1952), The Great Silent Majority Speech (1969) и The First Watergate Address (1973). С помощью указанного метода анализа делается вывод о том, что при всей оптимистичности своего характера, политическом опыте, умении действовать в кризисных ситуациях, коммуникативные стратегии и тактики, выбираемые Ричардом Никсоном для манипулирования массовым сознанием, оказывались действенными только до тех пор, пока политику удавалось убеждать слушателей его выступлений в том, что он говорит правду. В связи с чем одним из выводов данной статьи является то, что она ставит вопрос о необходимости более серьезного изучения лексико-синтаксических или дискурсивных маркеров правды и лжи в речи политика. Данный вопрос, как выяснилось, не в последнюю очередь связан с проблемой авторства политического выступления.

Ключевые слова: прагмалингвистика, идиостиль, вербальное поведение политика, прагмасемантический анализ, социально-статусный тип языковой личности

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее популярных предметов исследования в политической лингвистике является анализ языковой личности политика. Вербальное поведение, проявляющееся в произносимых речах или публикуемых текстах политического деятеля, может открывать все новые перспективы для изучения прагмалингвистических особенностей человека.

Политик во все времена, по сути, оставался величиной с неизменным набором характеристик. Как следует из проведенного Е.И. Шейгал анализа словарных дефиниций, структура фрейма ПОЛИТИК характеризуется набором слотов, объективирующих «типовые признаки политика»: помимо половозрастных и национальных особенностей, это — осознанное увлечение политической деятельностью, принадлежность к партии и выполнение определенных политических функций, а также обладание профессионально-деловыми, морально-этическими и психологическими качествами [Шейгал 2000].

В своих исследованиях вербального поведения политиков западные ученые все чаще оперируют такими абстракциями, как «харизма» или «интегративная сложность» [Wasike 2017], «привлекательность голоса» [DeGroot, Aime, Johnson, Klumper 2011], дихотомическими оппозициями: «вежливость/грубость» [Sorlin 2017], «врожденное/приобретенное» [Sturm, Vera, Crossan 2017].

Однако, чтобы достичь глубинного понимания языковой личности политика, на наш взгляд, требуется скрупулезно анализировать различные проявления вербального поведения политика в критических или околокритических ситуациях, в которые он постоянно вовлекается по долгу службы.

В процессе изучения методологических аспектов анализа языковой личности [напр., Pennebaker, King 1999, Slatcher, Chung, Pennebaker, Stone 2007, Мухортов 2014б, 2016, 2017] стал оформляться метод, который мы назвали «**прагмасемантическим анализом**» идиостиля политического деятеля.

Учитывая тот факт, что к языковой личности мы относим преимущественно социально-статусный [Мухортов 2015] или, точнее, статусно-ролевой тип, **под прагмасемантическим анализом идиостиля политика понимается изучение служебных и номинативных частей речи в вербальном поведении личности в устной речи и в письменных обращениях с целью установления взаимозависимости между конкретными коммуникативными ситуациями во всей глобальности порождающих их факторов и идиолектическими и идиостилевыми параметрами этой личности, детерминированными особенностями личностной и политической социализации.**

В данной связи особенно следует подчеркнуть, что в случае со статусно-ролевым типом языковой личности мышление, как фактор, влияющий на язык в гумбольдтовском понимании, оказывается под сильнейшим воздействием целого комплекса коммуникативно-обусловленных факторов, наиболее значимым из которых является стрессогенность.

Без преувеличения можно сказать, что в любых ситуациях общения и даже в целых нарративах речь политика подчинена единственной цели — убедить всех

в своей правоте, которая может реализовываться через конкретные прагмаориентированные задачи, а именно: он, например, хочет доказать свою невиновность, уйти от осуждения, повиниться за сделанную ошибку или заверить в том, что подобное не повторится, создать благовидный прогноз на будущее, дать мифообразное объяснение происходящих событий и подменить реальное положение дел. При этом следует подчеркнуть, что в процессе **манипулирования массовым сознанием значимым с коммуникативной точки зрения является наличие кластеров речевых единиц лексического и/или синтаксического уровня, которые позволяют выявить указанные задачи, которые перед собой ставит говорящий.**

Посредством определения того, успешно или неуспешно политик справился с той или иной задачей, зависит рейтинг этого человека и его дальнейшая политическая судьба. Именно умение политика в любой ситуации оставаться позитивно настроенным дает уверенность избирателям в том, что ситуация находится под контролем и их стабильности ничто не угрожает; именно его способность смотреть в многообещающее будущее и не сокрушаться по поводу состоявшегося, пусть и неудачного, прошлого приносит ему дополнительные очки в глазах избирателей, которые хотят уверенно идти за лидером в завтрашний день, а не волочиться за ним в надоевшее всем прошлое; именно его знание того, как грамотно подобрать слова утешения или обличения, настраивают его сограждан на правильную волну и продлевают его политическое благоденствие. Одним из доказательств вышесказанного является исследование, проведенное Кристианом Люпрехтом и Давидом Скилликорном. По словам ученых, «модель сильного речевого воздействия [языковой личности президента или кандидата в президенты страны — Д.М.] характеризуется наличием в риторике говорящего большего по объему количества позитивно заряженной лексики, максимально полного отсутствия проявления негативных эмоций, появления значительного числа абстрактных слов и понятий и минимального использования отсылок в адрес своего конкурента или своих конкурентов [The inductive model of influential language is characterized by: increased positivity, complete absence of negativity, increased abstraction, and lack of reference to the opposing candidate(s)] [Leuprecht, Skillicorn 2016: 95].

Теорию кластерного подхода к исследованию лексических и синтаксических единиц как маркеров оптимистичности или пессимистичности анализируемой языковой личности активно развивает автор книги «The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us» Джеймс Пеннебейкер. Вместе со своими коллегами-исследователями профессор Техасского университета убедительно доказывает, что наиболее частотными маркерами оптимистичности являются: 1) глаголы настоящего и будущего времени, 2) местоимения первого лица множественного числа (we, our, us), 3) короткие простые слова (следовательно, многосложные слова будут в тексте в меньшинстве) и 4) слова, несущие позитивный эмоциональный заряд [Pennebaker, Persaud URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/29/the-third-uk-debate-assessing-optimism-honesty-and-thinking-styles/>].

Таким образом, представляется возможным оформить ряд важных **категорий для прагмасемантического анализа**, а именно: оптимизм/удрученность, дипло-

матичность/агрессивность, слог президента / слог человека, не наделенного властью, мышление аналитического/динамического/нарративного склада, социолингвистические категории (напр., половозрастные и гендерные особенности, принадлежность к определенной общности, как то: Большой Семерке (G-7), масонской ложе, национальной ассоциации охотников, сторонникам теории заговора, ястребам или пацифистам и др.). Каждая из перечисленных категорий в отдельности может позволить исследователю выйти на ряд умозаключений, а данные по нескольким смежным категориям только смогут усилить эти выводы или подтвердить гипотезу.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Некоторые из этих положений раскрываются в данной статье на примере анализа языковой личности 37-го Президента США Ричарда Никсона.

Анализ литературы указывает на то, что языковая личность Никсона по сей день притягивает внимание ученых. Так, например, Джон Брюшке и Лора Дивайн провели целое исследование [Bruschke, Divine 2017] с целью опровергнуть существующий уже более полувека стереотип о том, что выступление в качестве кандидата в президенты по радио в 1960 году принесло Р. Никсону перевес в количестве голосов избирателей по сравнению с выступлением Дж. Кеннеди.

Материалом для данного исследования послужили следующие выступления Президента: *The Checkers Speech* (1952), *The Great Silent Majority Speech* (1969) и *The First Watergate Address* (1973).

В качестве инструментария для обработки указанных текстов была выбрана программа контент-анализа *Linguistic Inquiry and Word Count* (или кратко LIWC), разработанная на факультете психологии Техасского университета под руководством Джеймса Пеннебейкера. В результате использования LIWC языковые средства из анализируемой речи распределяются по категориям (когнитивные, аффективные, поведенческие) и определяется процентное соотношение содержания единиц каждой категории в тексте. Далее с помощью изучения корреляции лингвистических и экстралингвистических факторов делаются выводы о скрытых механизмах конкретного вербального поведения личности, и уточняется аутентичность текста.

“THE BEST DEFENSE IS A GOOD OFFENSE” ИЛИ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В THE CHECKERS SPEECH

“The best and only answer to a smear or an honest misunderstanding of the facts is to tell the truth” (Richard Nixon, the “Checkers” Speech)

На протяжении всей жизни Ричарду Никсону неоднократно приходилось бороться с инсинуациями со стороны противников — они вновь и вновь пытались уличить его в сокрытии правды. Так, на заре политической карьеры в Белом Доме — когда в 1952 году Р. Никсон баллотировался в вице-президенты — против него было выдвинуто обвинение в том, что он пользуется средствами трастового

фонда, который его сторонники создали для продвижения его кандидатуры. И он решился обратиться к нации по радио, чтобы «рассказать правду» [Nixon 1952].

Выступление, ставшее известным как «речь Чекерса», по имени собаки, которую Никсон получил в качестве подарка, стала не столько орудием самозащиты, сколько удачным средством саморекламы, когда, сумев найти подход к миллионной аудитории радиослушателей, Р. Никсон смог обрести многочисленных сторонников. Помимо убедительных аргументов в свое оправдание Р. Никсон растопил сердца людей своей личной историей, берущей начало еще в детстве.

Показатель использования личных местоимений в данной речи самый высокий по сравнению с другими местоимениями (10.65). Использование форм личного местоимения первого лица (8.46), а также полных и вспомогательных глаголов (15.58 и 10.71 соответственно) также достигает очень высокого уровня. Эти данные свидетельствуют о том, что Р. Никсон говорит не как находящийся на Олимпе аристократ, а выступает как представитель более низкого социального класса. Такой вывод не может не удивлять.

Что могло заставить такого, на тот момент уже довольно опытного, политика использовать лексику, не свойственную представителям его класса и статуса? Если предположить, что он делал это в расчете на свою особую целевую аудиторию, то непонятным становится следующий факт. Как известно, Р. Никсон — член Республиканской партии, основными избирателями которой являются бизнесмены и люди с высоким достатком. Однако Р. Никсон обращается не к ним. Его целевой аудиторией становится самая широкая телевизионная публика — все граждане Америки, люди среднего достатка. Такой стратегический ход кажется вполне оправданным, если мы примем во внимание то обстоятельство, что кандидат на пост вице-президента обвинялся в том, что действовал в интересах организаторов фонда. Обвинения в незаконности действий и «нечистоте» помыслов звучат еще более трагично на фоне заявлений республиканцев во время кампании 1952 года об их намерении «очистить Вашингтон от коррупции».

Что касается представителей Демократической партии, которые также упоминаются Р. Никсоном в речи, то они не преминули воспользоваться ситуацией и заявили, что «руки кандидата республиканцев на пост вице-президента не совсем чисты» [Vochin 1990: 34].

Еще одним важным замечанием, которое можно сделать с помощью программы LIWC, является то, что Р. Никсон, по классификации Дж. Пеннебейкера, использует язык так, как будто это бы говорила женщина. Высокий уровень использования личных местоимений первого лица (8.46), а также когнитивной и социальной лексики (17.07 and 10.89 соответственно) являются маркерами категории *feminity*. Из чего можно заключить, что эту речь ему помогала составлять женщина. Однако если предположить, что женщины составляют большую часть радиослушателей, то Р. Никсону удалось «нажать на правильные клавиши» и оказать нужное ему эмоциональное воздействие на электорат.

Дж. Пеннебейкер указывает, что в неформальных ситуациях люди обычно говорят, как женщины, а во время формальных встреч, они, как правило, употребляют языковые средства «в мужском формате» [Pennebaker 2011: 47]. Из этого

следует вывод о том, что Р. Никсон старался говорить менее официально с целью большего эмоционального воздействия на радиослушателей.

Если задумываться о целевой аудитории, то мы также должны учитывать время, выбранное для трансляции. Обращение было сделано вечером во вторник 23 сентября, сразу после высокорейтинговой юмористической передачи “The Milton Berle Show”. Этот факт может также служить подтверждением нашего предположения о том, что обращение было адресовано самой широкой аудитории и со стороны выступающего были приложены все усилия для наибольшего воздействия на нее.

Когда мы читаем эту речь, нам трудно отделаться от впечатления о том, что Р. Никсон пытается уверить слушателей в том, что он такой же обыкновенный человек, он тоже знает, что такое финансовые трудности, что на самом деле он не совсем богат и не настолько надменен, как многие из его окружения. Иначе говоря, он принижает себя до уровня людей более низкого социального класса. И в этом случае становится понятным, что выступающий преследует коммуникативную стратегию «я один из вас, я такой же, как вы».

Давая оценку эмоциональному состоянию Р. Никсона на момент произнесения им речи, напрашивается вывод о том, что он переживает грусть и злость. Подтверждением этому служат высокие показатели использования форм личного местоимения первого лица (*I-words*) (8.46), глаголы в прошедшем и будущем времени (4.03 и 1.41 соответственно) и слова, характеризующие ментальные процессы (так называемые *cognitive words* — 17.07). В своей сумме эти маркеры являются характеристиками грусти, а частотность использования местоимений второго и третьего лица (1.41 и 1.34 соответственно) и глаголов в настоящем времени (8.85) — показателями определенного уровня озлобленности.

Однако не только данные программы LIWC свидетельствуют о том, что Р. Никсон пребывает в депрессивном состоянии. Наши наблюдения также подтверждаются некоторыми фактами биографии. Х. Бочайн приводит следующий аргумент: “He had been in politics only six years. He had come about as far in his chosen career as a man his age could expect, when suddenly he found himself fighting for his political life” [Bochin 1990: 37].

Другими словами, для человека, достигшего очень много за шестилетний срок нахождения в политике, сложившаяся ситуация была серьезным потрясением. И нужно лишний раз подчеркивать тот факт, что после появления провокационной статьи политик был подвергнут острой критике со стороны своих оппонентов?

Таким образом, так называемая *Checkers Speech* — это не только обращение к гражданам Америки за поддержкой, но и прямой ответ политическим оппонентам, контратака на их позицию (напр., “I might put my wife on the payroll as did the Democratic nominee for Vice President” [Nixon 1952]). Х. Бочайн также описывает вышеупомянутый факт и обращает наше внимание на то, что Р. Никсон в своей речи делает акцент не только и не столько на фонде как таковом, но также вступает в активную полемику со своими идейными оппонентами. Таким образом, он не только принимает тактику защиты, но и выстраивает собственную стратегию

нападения. Следующее высказывание, которое приписывают Р. Никсону, служит еще одним подтверждением наших выводов: “When somebody launches an attack, your instinct is to strike back” («Когда вам наносят удар, естественной реакцией является контратака») [Bochin 1990: 36].

Рассматривая данную речь в рамках категории «честность—лживость», можно сделать следующие наблюдения. В речи присутствуют многочисленные употребления форм местоимения первого лица единственного числа (так называемые *self-references* — 8.46), и это говорит в пользу честности мотивов выступающего. Однако частотность использования когнитивной и эмоциональной лексики и низкое содержание в речи лексики с указанием времени и места являются маркерами того, что Р. Никсон не до конца честен в своем обращении к аудитории. Более того, различные виды глаголов, которыми изобилует текст речи, также несут на себе отпечаток неестественности и неискренности политика.

Так или иначе, по данным Хала Бочайна, специалиста по коммуникативным стратегиям, данная речь была очень тепло принята аудиторией: на адрес Республиканского национального комитета и других официальных организаций, связанных с предвыборной кампанией, поступило огромное количество телеграмм и писем. На речь политика откликнулись люди из 48 штатов. В своих сообщениях люди особенно отмечали личные качества Р. Никсона — его честность, смелость, патриотизм и преданность своей семье [Bochin 1990: 43].

Принимая во внимание все вышесказанное, мы можем признать, что Р. Никсон достиг своей цели и его речь может считаться большим успехом. Газета “The Denver Post” писала: “Senator Nixon talked his way into the hearts of millions... by speaking plainly about the dilemma of a poor man and the rich sweepstakes of politics” («[Сегодня] сенатор Никсон говорил с американцами простым языком о том, что у делающих ставки в политике богачах нет места мелкой сошке, и ему удалось донести эту мысль до миллионов») ... [Bochin 1990: 43]. А генерал Эйзенхауэр, который в то время являлся кандидатом на пост президента от Республиканской партии, говорил: “I have seen brave men in tough situations. I have never seen anyone come through in better fashion than Senator Nixon did tonight” («Я мог лицезреть многих храбрецов в тяжелых ситуациях, но я не видел ни одного человека, который бы так блестяще, как сенатор Никсон сегодня вечером, смог бы справиться с выпавшими на него испытаниями») [Bochin 1990: 42].

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРИОБРОДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ В THE GREAT SILENT MAJORITY SPEECH И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

“Now that we are in the war, what is the best way to end it?” (Richard Nixon, “The Great Silent Majority” Speech)

Как следует из Cambridge Advanced Learner’s Dictionary, под “silent majority” подразумевается «большое количество людей, не высказавших своего мнения по какому-то поводу». Если переводить дословно, то это «безмолвное большинство». Именно к этому безмолвному большинству Р. Никсон обратился в своей речи 3 ноября 1969 года с призывом открыто выражать свое мнение в отношении войны во Вьетнаме.

Эта речь считается одной из самых знаменитых речей, произнесенных Р. Никсоном во время его первого срока на посту президента США. И в то же время — одной из самых противоречивых. Р. Никсон в ней дает оценку очень сложной, отягощенной множеством нюансов стратегической обстановке во Вьетнаме, а также вводит свою доктрину «вьетнамизации войны», которая заключается в том, чтобы вывести вооруженные силы США с территории страны и потребовать от Южного Вьетнама продолжать защищать себя самостоятельно.

Эта речь стала еще одним успехом Р. Никсона. Данные телефонного опроса общественного мнения, который был проведен сразу же после трансляции, свидетельствуют о том, что 77% всех тех, кто слушал выступление Президента, поддержали его позицию. Количество же тех, кто был против, было менее 14%. Белый Дом был снова наводнен письмами, телеграммами, и в нем не умолкали телефоны. Но для Президента была не столько важна реакция публики, сколько отзыв Конгресса на данную речь: как пишет биограф Никсона, “both the House and Senate passed resolutions expressing their confidence in Nixon’s handling of the war” («обе палаты Конгресса приняли резолюции, в которых высказывается уверенность в том, что Р. Никсон держит ситуацию в войне во Вьетнаме под контролем») [Vochin 1990: 62].

Возможно, положительный эффект, который произвела речь, был предсказуем. Р. Никсон не просто публично заявил о своих взглядах на вьетнамскую военную кампанию, он повторно, также, как и в *The Checkers Speech*, смог правильно отреагировать на эмоции людей, ответить на их чувство правды, морали и патриотизма.

Он начал свое выступление с вопросов, которые, как он думал, беспокоили всех американцев. Но ответы на эти вопросы последовали не сразу — вместо них Никсон дает характеристику сложившейся ситуации. Он подвергает критике тех, кто определял политику ведения войны до него, отмечает ошибки, допущенные его предшественником на посту президента — Линдоном Джонсоном. После этого он делится с аудиторией своей собственной инициативой вывести США из Вьетнамской войны. Он предлагает свой план, по которому «вывод американских войск будет продиктован соображениями сильного, а не слабого» (“the withdrawal will be made from strength and not from weakness”). Однако вместе с этим он подчеркивает, что незамедлительный вывод американских войск обречет множество людей на гибель. Как отмечает Никсон в своей речи, “I rejected the recommendation that I should end the war by immediately withdrawing all of our forces” («Я не стал следовать рекомендации о том, что мне нужно немедленно вывести все войска из Вьетнама и тем самым закончить войну»). И все эти идеи нашли понимание и поддержку у большинства американцев.

В речи “The Great Silent Majority” Р. Никсон уже обращается к гражданам США как личность, принадлежащая к более высокому социальному классу. Об этом свидетельствует высокий уровень использования многосложных слов (в терминах Дж. Пеннебейкера, «состоящих из более, чем шести букв») и артиклей (21.65 и 8.80 соответственно). Следует напомнить о том, что артикль является

категорией, указывающей на присутствие в тексте имен, а следовательно, когнитивная сложность адресанта и потенциального адресата высокая.

Данная речь появилась спустя семнадцать лет после “The Checkers Speech”. На протяжении этого времени Ричард Никсон активно занимался политической деятельностью, достигал новых вершин, утверждался как стратег и тактик своего политического курса. Поэтому вполне закономерным будет вывод о том, что Президент уже выступает в более аристократичной, официальной, а порой даже витиеватой манере.

Официальный тон речи подтверждают и показатели категории “masculinity”, определяющей гендерный фактор речи. По данным программы LIWC, количество сложных, или «многобуквенных», слов составляет 21.65, предлогов — 16.53, числительных — 1.58, среднее количество слов в предложении в тексте — 20.76.

Следует также отметить и специфику возрастного критерия. Данные показывают, что Ричард Никсон произносит эту речь как представитель старшего поколения. Ему уже 56 лет, и это совсем другой человек — умудренный опытом политик. Он часто употребляет артикли, существительные и предлоги (численные данные по этим категориям уже были представлены выше). Он больше ссылается на будущее, чем на прошлое, а также активно использует «когнитивную» лексику. Эти же показатели указывают на присутствие у политика ощущения власти и всемогущества. Его характеризует (по терминологии Дж. Пеннебекера) «формальный стиль мышления», который детерминирован минимализмом в проявлении эмоций.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ «FIRST WATERGATE ADDRESS» И АНАЛИЗ ПРИЧИН ЕЕ НЕУДАЧИ

“We must maintain the integrity of the White House, and that integrity must be real, not transparent, there can be no whitewash at the White House” (Richard Nixon, First Watergate Address)

По данным опроса общественного мнения, который был проведен сразу после объявления о том, что мирный договор во Вьетнаме находится на стадии обсуждения, в 1973 году 68 процентов американцев высказали одобрение относительно того, как Никсон проводит урегулирование процесса. Однако к августу 1974 года его политический курс поддерживало только 24 процента населения, а 65 — считали, что он должен быть подвергнут процедуре импичмента. Такая перемена была связана с тем, что в стране практически не было человека, который бы не слышал о Вотергейтском скандале [Bochin 1990: 60].

В качестве комментария следует напомнить, что все началось 17 июня 1972 года, когда в офисе Демократической партии в гостинице “Watergate” были арестованы пятеро республиканцев, пытавшихся похитить ценную информацию или предпринять какие-то действия по дискредитации предвыборного процесса демократов. Р. Никсон всячески пытался отгородиться от любых обвинений и убеждал электорат в своей непричастности к происшедшему. И произнесенная им 30 апреля 1973 года речь под неофициальным названием “No Whitewash at the White House Speech” стала одной из таких попыток.

Анализ данных с помощью программы LIWC показал, что в данной речи Президент предстает не оправдывающимся служащим, а аристократом из Белого Дома, использующим весь свой потенциал высокопарной и изоэтрной речи, чтобы убедить миллионы американцев в своей правоте.

Политик активно использует длинные слова и предлоги. Средний показатель количества слов на одно предложение является максимальным из всех анализируемых речей — 24.29, также отмечается высокий показатель использования числительных (1.19). В речи присутствует большое количество «многобуквенных» слов — 22.68, показатель использования артиклей — 8.02, а предлогов — 16.50.

В то же время на себя обращает внимание высокий процент словоформ личного местоимения первого лица единственного числа — 7.84 и самого местоимения *I* — 4.48.

Первый параметр может указывать на зависимость человека от внешних факторов, обстоятельств, когда не сам человек контролирует ситуацию, а ситуация контролирует его. Например, при сравнении двух фраз: “They told me” и “I learnt” следует, что в первой фразе информация пришла от кого-то, а во второй — человек разузнал ее сам.

Второй параметр — использование местоимения *I* свидетельствует о том, что говорящий либо очень уверен в себе или своей правоте и ему свойственна самостоятельность при принятии решений, однако, с другой стороны, оно может указывать на наличие внутренних проблем или какого-то внутреннего конфликта. Следовательно, данная ситуация не могла не оказывать эмоционального влияния на Президента, он, по всей видимости, знал о происшедшем, и факт вовлеченности в данный процесс многих людей и целых властных кругов заставлял его хранить молчание и утверждать свою непричастность.

В данной связи следует заметить, что активное использование местоимения *I* также является показателем депрессивного состояния политика, и при анализе экстралингвистического контекста речи его наличие становится вполне закономерным.

Подавляющее количество анализируемых параметров указывают на удрученное состояние выступающего: помимо упоминаемых нами форм личного местоимения первого лица он активно употребляет глаголы прошедшего и будущего времени и использует «когнитивные» слова.

При этом по всем показателям отмечается присутствие самообладания и отсутствие озлобленности. Это проявляется в минимальных показателях местоимений второго и третьего лица (0.58 и 0.47 — ед.ч., 0.54 — мн.ч. соответственно). Как известно, именно наличие в речи политика местоимений *you*, *he* или *she* является веским доказательством того, что он сердится на своего оппонента [Pennebaker 2011: 107]. Данную ситуацию можно оценить и с другой стороны. За самообладанием стоит желание всецело взять ответственность за происшедшее на себя, а за отсутствием озлобленности можно разглядеть нежелание Президента списывать вину на кого-то еще и оставить все как есть до того момента, пока суд не укажет на правых и виноватых. Для политика такие ситуации

могут стать фатальными, и человеку с большим политическим опытом лишний раз это объяснять не нужно.

Об особом риторическом таланте Р. Никсона и его способности держать эмоции под контролем свидетельствует тот факт, что во время написания этой речи он в сердцах крикнул своему спичрайтеру Рэю Прайсу: “flat, distant, defeated” ([я] «раздавлен, отстранен, повержен»). Рэй Прайс вспоминал, что после этих слов он повернулся к нему и спросил: “May be I should resign. Do you think so? You’ve always been the voice of my conscience. If you think I should resign, just write it into the next draft, and I’ll do it” («Может быть, мне нужно подать в отставку. Как ты считаешь? Ты всегда был голосом моей совести. Если ты считаешь, я должен уйти, просто впиши это в следующий черновик выступления, и я это озвучу»). Никогда раньше Прайс не видел своего патрона в таком подавленном состоянии. К вопросу об отставке Никсон возвращался в тот день дважды [Bochin 1990: 71].

В связи с появлением факта о том, что речь писалась спичрайтером, а Никсон ее только правил, может возникнуть закономерный вопрос о правомочности проведения анализа подобных выступлений.

И.Э. Стрелец со ссылкой на известных политических психологов — Дина Кита Саймонтона, Дэвида Уинтера, Маргарет Херманн и др. — в качестве аргумента в защиту таких исследований указывает на три момента. «Во-первых, президент может артикулировать только те идеи и в той форме, которые согласуются с его мотивами, мировоззрением, ценностями, убеждениями. Во-вторых, кадры спичрайтеров всегда рекрутируются таким образом, чтобы их личность в ключевых аспектах была конгруэнтна личности политика, с которым ему предстоит работать. В-третьих, все произнесенное президентом той или иной страны, независимо от степени участия специалистов в подготовке публичных выступлений, всегда воспринимается массовым сознанием, интерпретируется коллегами и экспертами, имеет общественный резонанс как слова лидера этой страны» [Стрелец 2014: 96].

Поэтому нестабильное эмоциональное состояние политика в момент написания речи и сама речь, которую он озвучивает спустя какое-то время, это никак не связанные друг с другом факторы. Спичрайтер в судьбоносный момент рождения очередного президентского выступления оказывается важным громоотводом для нежелательных эмоций, которые в противном случае могли бы повлиять на речь и, как следствие, принести политику репутационные потери. Президент, «придя в себя» после каких-либо замешательств, вычитывает финальный проект речи и вносит в нее последнюю правку. Когда речь озвучивается, то транслируется версия, под каждым словом которой президент подписывается лично. Таким образом, даже с натяжкой можно сказать, что речь президента становится его собственным литературным произведением, анализируя которое мы можем делать выводы об аффективной, поведенческой или когнитивной составляющей его вербального поведения на данном этапе.

Завершая анализ «Первой уотергейтской речи», следует сделать ряд замечаний относительно параметров, касающихся дихотомической категории «честность—лживость».

В своей речи Р. Никсон без каких-либо опасений говорит: “I was determined that we should get to the bottom of the matter, and that the truth should be fully brought out — no matter who was involved” («Моим намерением было дойти до самой сути проблемы и выяснить правду — вне зависимости от того, кто был замешан в этом деле»). Подобные заявления не являются редкостью в устах политиков. Однако произносить их может только человек бесстрашный и уверенный в себе.

Проведенный анализ указывает на использование лексических средств с позитивно-эмоциональными коннотациями (3.76), численно превышающие слова, маркированные тревогой и беспокойством (0.47).

Однако показатели подобного рода указывают на то, что политик пытается быть честным, но это ему сделать не удастся. Он хочет выдать желаемое за действительное. Дж. Пеннебейкер в своей монографии неоднократно проводит мысль о том, что честность мотивов в первую очередь выражается в максимально сниженных показателях присутствия позитивных эмоций [Pennebaker 2011: 139, 145, 159].

Надо полагать, что, если бы свою речь Р. Никсон писал сам, аудитория смогла бы понять и оценить его порыв к поиску правды. Его тревожное состояние никак не позволило ему допустить ложную эмоциональность. Наоборот, он бы был предельно собран и лаконичен. Но, видимо, его «голос совести» Рэй Прайс смог убедить его в возможности допустить другие интенции.

В конце своей речи Р. Никсон решает «снизить» градус уотергейтского скандала и переключить внимание аудитории на внешнеполитические события. Так, он начинает говорить о том, что “this is also a year in which we are seeking to negotiate a mutual and balanced reduction of armed forces in Europe <...> It is the year when the United States and Soviet negotiators will seek to work out the second and even more important round of our talks” («в этом году мы попытаемся прийти к соглашению о двустороннем сокращении вооруженных сил в Европе <...>, в этом году дипломаты Соединенных Штатов и Советского Союза будут работать над проведением второго раунда переговоров, который будет по значимости превосходить первый»), и все это мы делаем ради наших внуков, правнуков и мира во всем мире (ср. “to make it possible for our children, and for our children’s children, to live in a world of peace”) [Nixon 1973].

Подобные коммуникативные тактики являются частотными в президентской риторике. Пресловутое позитивное мышление часто довлело над американскими президентами. Однако в конкретном случае призывы доверять своему президенту как стратегу нации не сработали. Вместо этого, по всей видимости, нужно было четче обрисовать свою роль в происшедшем. Попытки оправдывать себя и извиняться оказались тщетными. Вслед за профессором Халом Бочайном, автором книги «Richard Nixon: Rhetorical Strategist» следует отметить, что главной причиной провала данной речи было то, что Р. Никсон не говорил правду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог сказанному, следует отметить, что 37-й Президент США Ричард Никсон был выдающейся фигурой, как с точки зрения геополитических отношений, так и с точки зрения политической риторики. В начале статьи было отмечено,

что на долю этого политика выпало испытание постоянно оказываться в положении человека, доказывающего своим согражданам свою правоту. Причем если кому-то из президентов, вице-президентов или госсекретарей неправда сходила с рук (например, Гарри Труману, Линдону Джонсону, Генри Киссинджеру), то для Р. Никсона она оказывалась домкловым мечом. И стоило один раз серьезно оступиться — ему самому или его ближайшему окружению (даже из лучших побуждений), и его политической карьере пришел конец.

В своем анализе мы рассмотрели вербальное поведение политика на примере его избранных выступлений и посредством анализа самостоятельных и служебных частей речи смогли прийти к выводу о том, что лексический состав речи политика является эффективным инструментом для углубленного изучения его языковой личности и определения прагмалингвистической ценности его коммуникативных стратегий и тактик.

© Мухортов Д.С.

Дата поступления: 5.01.2018

Дата приема в печать: 25.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мухортов Д.С. (а) Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. С. 167—173.
2. Мухортов Д.С. (б) Прагмасемантический анализ самостоятельных и служебных частей речи в публичных выступлениях главы государства (на материале программных речей Рональда Рейгана) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. Т. 4. No 50. С. 157—172.
3. Мухортов Д.С. О некоторых особенностях лексико-семантической структуры англоязычного предвыборного дискурса // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: Материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—30.09.2016). Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т», 2016. С. 152—154.
4. Мухортов Д.С. О некоторых особенностях реализации агональной функции в дебатных выступлениях кандидатов на пост президента США (на материале высказываний Марко Рубио, Теда Круза и Дональда Трампа) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва, 2017. Т. 8. No 2. С. 350—357.
5. Стрелец И.Э. Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли президента России: Дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2014.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
7. Bochin, H. Richard Nixon: Rhetorical Strategist. Greenwood Publishing Group, 1990.
8. Brusckhe, J., Divine, L. Debunking Nixon's Radio victory in the 1960 election: Re-analyzing the Historical Record and Considering Currently Unexamined Polling Data. *The Social Science Journal* (pp. 67—75). Vol. 54, Issue 1, March 2017.
9. Chung, C.K., Pennebaker, J.W. The Psychological Functions of Function Words in Fieldler (Ed.), *Social Communication* (pp. 343—359). New York, 2007: Psychology Press.
10. DeGroot, T., Aime, F., Johnson, S.G., Klumper, D. Does Talking the Talk Help Walking the Walk? An Examination of the Effect of Vocal Attractiveness in Leader Effectiveness. *The Leadership Quarterly* (p. 680—689). Vol. 22, Issue 4, August 2011.

11. *Leuprecht, C., Skillicorn, D.B.* Incumbency Effects in U.S. Presidential Campaigns: Language Patterns Matter. *Electoral Studies* (p. 95—103). Vol. 43, September 2016.
12. *Nixon, R.* The Great Silent Majority Speech. 1969. November 23. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/richardnixongreatsilentmajority.html> (Дата обращения: 17.07.17).
13. *Nixon, R.* Checkers Speech. 1952. September 23. URL: <http://ww.emersonkent.com/speeches/checkers.htm> (Дата обращения: 17.07.17).
14. *Pennebaker, J.W.* The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us. New York: Bloomsbury Publishing, 2011.
15. *Pennebaker, J.W., King, L.A.* Linguistic Styles: Language Use as an Individual Difference. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999, Vol. 77, No. 6, 1296—1312.
16. *Pennebaker, J.W., Persaud, R.* The Third UK Debate: Assessing Optimism, Honesty, and Thinking Styles. URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/29/the-third-uk-debate-assessing-optimism-honesty-and-thinking-styles/> Дата обращения: 17.07.2017.
17. *Nixon, R.* Address to the Nation about the Watergate Investigations. 1973. April 30. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/americalexperience/features/primary-resources/nixon-water1/> (Дата обращения: 17.07.17).
18. *Sorlin, S.* The Pragmatics of Manipulation: Exploiting Impoliteness Theories *Journal of Pragmatics* (pp. 132—146). Vol. 121, November 2017.
19. *Sturm, R.E., Vera, D., Crossan, M.* The Entanglement of Leader Character and Leader Competence and Its Impact on Performance. *The Leadership Quarterly* (pp. 349—366). Vol. 28, Issue 3, June 2017.
20. *Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W., Stone, L.D.* Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates // *Journal of Research in Personality* 2007. No. 41. pp. 63—75.
21. *Wasike, B.* Charismatic Rhetoric, Integrative Complexity and the U.S. Presidency: An Analysis of the State of the Union Address (SOTU) from George Washington to Barack Obama (pp. 812—826). *The Leadership Quarterly*. Vol. 28, Issue 6, December 2017.

УДК: 159.9:808.5:32(73)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92

PRAGMALINGUISTICS OF RICHARD NIXON'S STYLISTIC BEHAVIOR (research into the president's selected speeches)

Denis S. Mukhortov

Lomonosov Moscow State University
1/51, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119234

Abstract. The paper seeks to analyze pragmalinguistic features of the politician's stylistic behavior by studying nominative and syncategorematic parts of speech in his discourses. The hypothesis is regardless extralinguistic factors in a communicative situation the stylistic behavior can be seen as the touchstone of the politician's success. A deficient stylistic behavior is fraught with communicative flops. The paper discusses theoretical grounds of pragmasemantic analysis of the politician's stylistic idiosyncrasies, suggests a classification of categories for pragmasemantic analysis, pinpoints a cluster approach to studying lexical and syntactic units, and provides new insights into semiotics of the status-bound type of language identity. This article drawing on Richard Nixon's selected speeches, The Checkers Speech (1952), The Great Silent

Majority Speech (1969), and The First Watergate Address (1973), specifies the concept of presidential language identity. A determining factor moulding the stylistic behavior of this kind of people is a stressful or semi-stressful situation. The method of research in the article is termed as ‘pragmasemantic analysis of the politician’s language identity’. It is yet to be elaborated in detail. The article attempts to define it as focusing on interrelated grammar categories, like personal pronouns, verb tense, functional and auxiliary verbs, article, numerals, and prepositions, along with communication-bound categories of optimism/pessimism, diplomatic/bossy, president-like speech/unpresident-like speech, age, gender, vested interests group membership in order to find out the politician’s idiosyncrasies and communication strategies and tactics. The article argues that whatever strategies and tactics Nixon pursued in his discourses, his stability in the domestic political arena was guaranteed only by truthful verbal behavior. The Watergate speeches failed him and he paid the price for it. The paper, hence, highlights the problem of studying truth/lie verbal markers which largely depend on the author of the text in question.

Key words: pragmalinguistics, stylistic idiosyncrasies, a politician’s stylistic behavior, pragmasemantic analysis, status-bound type of language identity

REFERENCES

1. Mukhortov, D.S. (a) (2014). ‘Yazykovaya lichnost’, ‘rechevoy portret’, ‘idiostil’, ‘idiolect’: the notions of Russian scholars in contrast. What is required to study the politician’s stylistic behaviour? *Politicheskaya Kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 26—28.08.2014)* In *Political Communication: Prospects of Development of the Scientific Sphere*, 2014. pp. 167—173. (Russ).
2. Mukhortov, D.S. (b) (2014). A Pragmasemantic research into nominative and syncategorematic parts of speech in public discourses of the head of state (a study of R. Raegan’s addresses), *Political Linguistics*, 4 (50), 157—172.
3. Mukhortov, D.S. (2016). Featuring the lexical semantic structure of the English election discourse / *Political Linguistics: problems, methods, aspects of research and prospects of the field of study: Proceedings of the International scientific conference in Ekaterinburg on September 26—30, 2016*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 152—154.
4. Mukhortov, D.S. (2017). On some features of the adversarial function in debates between US presidential contenders: research into the rhetoric of Marco Rubio, Ted Cruz, and Donald Trump, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 350—357.
5. Strelets, I.E. (2014). The influence of personal characteristics of political leaders in the exercise of the office of president of Russia [dissertation]. Moscow.
6. Sheigal, E.I. (2000). Semiotics of political discourse [dissertation]. Volgograd.
7. Brusckke, J. & Divine, L. (2017). Debunking Nixon’s Radio victory in the 1960 election: Re-analyzing the Historical Record and Considering Currently Unexamined Polling Data. *The Social Science Journal*, 54(1), 67—75.
8. Bochin, H. (1990). Richard Nixon: rhetorical strategist. Greenwood Publishing Group.
9. Chung, C.K. & Pennebaker, J.W. (2007). The psychological functions of function words in Fieldler (Ed.). In *Social Communication*. New York: Psychology Press. pp. 343—359.
10. DeGroot, T., Aime, F., Johnson, S.G. & Kluemper, D. (2011). Does Talking the Talk Help Walking the Walk? An Examination of the Effect of Vocal Attractiveness in Leader Effectiveness. *The Leadership Quarterly*, 22(4), 680—689.
11. Leuprecht, C. & Skillicorn, D.B. (2016). Incumbency Effects in U.S. Presidential Campaigns: Language Patterns Matter. *Electoral Studies*, 43, 95—103.
12. Nixon R. (1969). The Great Silent Majority Speech. November 23. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/richardnixongreatsilentmajority.html> (accessed: 17.07.17).
13. Nixon, R. (1952). Checkers Speech. September 23. URL: <http://www.emersonkent.com/speeches/checkers.htm> (accessed: 17.07.17).

14. Pennebaker, J.W. (2011). *The secret life of pronouns: what our words say about us*. New York: Bloomsbury Publishing.
15. Pennebaker, J.W. & King, L.A. (1999). Linguistic styles: language use as an individual difference. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77(6), 1296—1312.
16. Pennebaker, J.W., Persaud, R. The Third UK Debate: Assessing Optimism, Honesty, and Thinking Styles. URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/29/the-third-uk-debate-assessing-optimism-honesty-and-thinking-styles/> (accessed: 17.07.2017).
17. Nixon, R. (1973). Address to the Nation about the Watergate Investigations. April 30. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/primary-resources/nixon-water1/> (accessed: 17.07.17).
18. Sorlin, S. (2017). The Pragmatics of Manipulation: Exploiting Im/politeness, *Theories. Journal of Pragmatics*, 121, 132—146.
19. Sturm, R.E., Vera, D. & Crossan, M. (2017). The Entanglement of Leader Character and Leader Competence and Its Impact on Performance. *The Leadership Quarterly*, 28(5), 349—366.
20. Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W. & Stone, L.D. (2007). Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates. *Journal of Research in Personality*, 41, 63—75.
21. Wasike, B. (2017). Charismatic Rhetoric, Integrative Complexity and the U.S. Presidency: An Analysis of the State of the Union Address (SOTU) from George Washington to Barack Obama. *The Leadership Quarterly*, 28(6), 812—826.

Для цитирования:

Мухортов Д.С. О прагмалингвистических особенностях вербального поведения американского президента Ричарда Никсона (на материале избранных речей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 77—92. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92.

For citation:

Mukhortov, D.S. (2018). Pragmalinguistics of Richard Nixon's stylistic behavior (research into the president's selected speeches). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 77—92. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92.

Denis S. Mukhortov, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 77—92. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92.

Сведения об авторах:

Денис Сергеевич Мухортов, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов*: герменевтическое исследование политического дискурса, семантический анализ гипертекста, лексико-семантические и синтаксические трансформации при переводе речей политика, *e-mail*: dennismoukhortov@mail.ru.

Bio Notes:

Denis Sergeevich Mukhortov, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Linguistics, School of Philology, Lomonosov Moscow State University. *Research interests*: hermeneutic study of political discourse, semantic analysis of hypertext, lexical-semantic and syntactic transformation in the translation of policy speeches, *e-mail*: dennismoukhortov@mail.ru.